

Илья Муромец и его сын Сокольник

По утру-де, утру было ранному,
На восходе было красном солнышки,
Выходил-то старой да вон на улицу,
Брал он трубоньку подзорную,
Здрел-смотрел да на все стороны,
Слушал ушми да богатырськими:
Под той сторонушкой под западной
Едет невежа потешаицця,
Небылыма он словами похваляицця,
На поёзде он стрелоцьку постреливат,
На полётике стрелоцьку подхватыват,
Вперёди его бёжит серой волк,
Позади его бежит большия пёс,
На правом плечи да блад ясен сокол,
На левом плечи — сизой орёл.
Небылыма он словами похваляицця:
«Я зайду-заеду в стольный Киев-град —
Соборны церьквы все — конюшнами,
Чудны образа во грезь стопцю,
Самого князя голову срублю,
Саму княгинушку с собой возьму!»
Зашел-то старой нонь во бел шатёр,
Будил он Олешиньку Поповиця:
«Ставай-ко, Олёшинька, скорешинько,
Умывайся, Олёшинька, белешинько,
Обтирайсе, Олёшинька, сушешенько».
Будил он Микитушку Добрынюшку:
«Ставай-ко, Микитушка, скорешенько,
Омывайся, Микитушка, белешенько,
Обтирайсе, Микитушка, сушешинько —
Под той сторонушкой под западной
Едет невежа потешаицця.
Небылыма он словами похваляетца:
„Я зайду-заеду в стольный Киев-град —
Соборны церьквы все — конюшнами,

Чудны образа во грязь стопцю,
Самого князя голову срублю,
Саму княгинушку с собой возьму!“»
Седлал-уздал Микита коня доброго,
Подстегивал он двенадцеть подпругов,
Тринадцату степ да лошадиную,
Не ради басы — ради крепости:
Не оставил молодца да в поли добрый конь
Серым волкам да на съеденьицё,
Черным воронёнкам на граеньё.
Не видали отправки молодецькой,
Не видали поездки богатырськой,
Только видят: во поли курева идет,
Курева идет, да дым столбом валит.
Наганивал невежу во чистом поли,
Стал выпрашивать роду-племени:
«Ты коёго, молодець, да роду-племени,
Ты коёго, молодець, да отця-матери,
Как тя, мóлодца, да именем зовут?»
Тут от невежи ответу нет.
Другой раз Микитушка выпрашивал:
«Ты коего, молодець, да роду-племени,
Ты коего, молодець, да отця-матери,
Как тя, молодца, да именем зовут?»
Тут от невежи ответу нет.
И третий раз Микитушка выпрашивал:
«Ты коего, молодець, да роду-племени,
Ты коего, молодець, да отця-матери?»
Заревел невежа большим голосом —
У Микиты конь в окораць пошел,
Оттуль Микита поворот даёт.
Глядит старой да во чисто полё:
Едет Микита не по-старому,
Едет Микита не по-прежнему.
Звыл старой и заплакал тут:
«Винно, старому мне замены нет,
Нету старому да великой».
Седлал-уздал старой да коня доброго,
Подстегивал он двенадцеть подпругов,

Тринадцату степ да лошадиную
Не ради басы — ради крепости:
Не оставил молодца да в поли добрый конь
Серым волкам да на съеденьице,
Черным воронёнкам на граеньё.
Наганивал невежу во чистом поли,
Говорит-то старой да таково слово:
«Що ты, ворона, рострепаласе,
Що ты, пустопера, рострепескаласе,
Небылыма ты словами похваляисся?»
Хватали они колья ноньце вострые —
По насадкам копья извернулисе.
Некоторый некоторого не ранили,
Некоторой некоторого не окровавали.
Хватали они сабельки нонь вострые —
По насадкам сабельки свернулисе.
Некоторой некоторого не ранили,
Некоторый некоторого не окровавали.
Хватали они палици буёвые —
По насадкам палици свернулисе.
Некоторой некоторого не ранили,
Некоторой некоторого не окровавили.
Соскакивали они да с добрых коней,
Хватались они во мятоцьку,
Бились-боролись трои сутоцьки.
По великому старого по бесчасьицу
Права нога да прокатиласе,
Лева рука да прокольздиласе,
Пал старой на сыру землю.
Садилса Сокольник на белы груди,
Розрывал его пуговики серебряны,
Вымал чинжалишшо-булатен нож,
Ладит пороть его белы груди.
Подумал старой да Илья Муромець:
«Стоял я за веру за крешченую,
Стоял я за церькви соборные,
Стоял за младенцей троедённых —
Выдала присвета Богородиця
Поганому Издолишчу на граеньё».

Прибыло старому тут силюньки,
Не вдвое, не втрое — силы впетеро.
Смахнул невежу со белых грудей,
Садилса Сокольнику на черны груди,
Розрывал его пуговицы серебряны,
Вымал чинжалишчо-булатен нож,
Ладит пороть его черны груди.
Увидел он Сокольника на правой руки,
На правой руки — старого именно кольцо —
Остаялась у старого рука правая.
Стал он спрашивать роду-племени:
«Ты коего, молодець, да роду-племени,
Ты коего, молодець, да отця-матери,
Как тя, молодца, да именем зовут?» —
«Сидел я у тя на белых грудях,
Не спрашивал ни роду, ни племени,
Не спрашивал ни отця, ни матери».
Другой раз старой нынь выпрашивал:
«Коего, молодець, да роду-племени,
Коего, молодець, да отця-матери,
Как тя, молодца, да именем зовут?» —
«Сидел я у тя на белых грудях,
Не спрашивал ни роду, ни племени,
Не спрашивал ни отця, ни матери».
Третьей раз старой выпрашиват:
«Коего, молодець, да роду-племени,
Коего, молодець, да отця-матери,
Как тя, молодца, да именем зовут?»
Сказал он старому Ильи Муромцю:
«Из того же я, говорит, города,
Той же матушки Паленги».
Ставал старой да на резвы ноги,
Брал его да за белы руки,
Говорит старой да таково слово:
«Ой есь, мой сын Сокольничек!
С твоей матушкой я жил трицет лет.
Поедем, Сокольник, ко мне на за́ставу,
На за́ставу ко мне попить-поись». —
«Не еду я к тебе на за́ставу».

Второй раз старой выпрашивал:
«Поедем, мой сын Сокольник,
На заставу ко мне попить-поись!» —
«На заставу ехать мне-ка время нет».
Третьей раз старой его выпрашивал:
«Поедем, мой сын Сокольник,
На заставу ко мне попить-поись!»
Говорит-то его Сокольник:
«Ехать мне к вам — время нет».
Розъезжались удалы добры молодцы.
Приезжат Сокольник к родной матери,
Стрецяла его мати родимая:
«Где ты был, мое да цядо милое?»
Говорит Сокольник таково слово:
«Ой есь, моя мати родимая!
Старой тебя зовет бледью, меня — выбледком».
Говорит она да таково слово:
«Не пустым, дитя, он похваляицца».
Соскоцил Сокольник со добра коня,
На одну ногу стал, о другу розорвал.
Скоцил он нонь на добра коня,
Оттуль Сокольник поворот дает.
Приездат к старому к белу шатру,
Соскоцил Сокольник со добра коня,
Скоцил старому в белой шатёр —
Спит старой да крепко-накрепко.
Схватил Сокольник копье вострое,
Ткнул старому во белы груди.
По великому старого по счастьяцу
Попало старому в чуден крест,
Толщина креста — аршин была,
Долина креста — коса сажень,
Зашло копье да до полу-креста.
Соскоцил-то старой да на резвы ноги,
Схватил Сокольника за черны кудри,
Подымал он его выше буйной гловы,
Опустил он его о сыру землю,
Придал он его смерти лютой.

*(Зап. Леонтьевым Н. П.: 7 июня 1938 г., д. Смекаловка Нижнепечорского р-на
— от Остахова Ивана Кирилловича, 65 лет.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.